

Беда — эпизод 1 из 2

С Николаем Максимычем Путохиным приключилась беда, от которой широким и беспечным российским натурам так же не следует зарекаться, как от тюрьмы и сумы: он невзначай напился пьян и в пьяном образе, забыв про семью и службу, ровно пять дней и ночей шатался по злачным местам. От этих беспутно проведенных пяти суток в его памяти уцелел один только похожий на кашу сумбур из пьяных рож, цветных юбок, бутылок, дрыгающих ног. Он напрягал свою память, и для него ясно было только, как вечером, когда зажигали фонари, он забежал на минутку к своему приятелю поговорить о деле, как приятель предложил выпить пива... Путохин выпил стакан, другой, третий... После шести бутылок приятели отправились к какому-то Павлу Семеновичу; этот последний угостил копченым сигом и мадерой. Когда мадера была выпита, послали за коньяком. Дальше больше и дальнейшие события заволакиваются туманом, сквозь который Путохин видел что-то похожее на сон: лиловое лицо какой-то шведки, выкрикивавшей фразу: Мужчина, угостите портером!, длинную танцевальную залу с невысокими потолками, полную дыма и лакейских рож, себя самого, закладывающего большие пальцы рук в жилетные карманы и откалывающего ногами чёрт знает что... Далее он видел, как во сне, небольшую комнатку, стены которой увешаны лубочными картинками и женскими платьями... Припоминал он запах разлитого портера, цветочного одеколona и глицеринового мыла... Несколько яснее выделялась из сумбурной каши картина пробуждения, тяжелого, скверного, когда даже солнечный свет кажется отвратительным... Он помнил, как, не найдя у себя в кармане часов и медальонов, в чужом галстуке, с пьяной тяжелой головой он поторопился на службу. Красный от стыда, дрожа от хмельной лихорадки, стоял он перед начальством, а начальство, не глядя на него, говорило равнодушным голосом: Не трудитесь оправдываться... Я даже не понимаю, зачем вы побеспокоились пожаловать!.. Что вы у нас больше не служите, это уже решено-с... Нам не нужны такие служащие, и вы, как толковый человек, поймете это... да-с! Этот равнодушный тон, острые, прищуренные глаза начальства и деликатное молчание товарищей резко выделялись из сумбура и уже не походили на сон... Мерзко! Подло! бормотал Путохин, возвращаясь домой после объяснения с начальством. И осрамился и место потерял... Подло, гадко! Отвратительное чувство перегара наполняло его всего, начиная со рта и кончая ногами, которые еле ступали... Ощущение ночевавшего во рту эскадрона томило всё его тело и даже душу. Ему было и стыдно, и страшно, и

тошно.

Хоть застрелиться в пору! бормотал он. И стыдно и злоба душит. Не могу идти! Да, плохая история! соглашался сопровождавший его сослуживец Федор Елисеич. Всё бы ничего, но вот что скверно: место потерял! Это хуже всего, брат... Именно стреляться в пору...

Боже мой, а голова... голова! бормотал Путохин, морщась от боли. Трещит, точно лопаться хочет. Нет, как хочешь, а я зайду в трактир опохмелиться... Зайдем!

Друзья зашли в трактир...

И как это я напился, не понимаю! ужасался Путохин после второй рюмки. Года два в рот ни капли не брал, зарок жене дал перед образом... смеялся над пьяницами, и вдруг всё к чёрту! Ни места, ни покоя! Ужасно!

Он покрутил головой и продолжал:

Иду домой, точно на смертную казнь... Не жалко мне ни часов, ни денег, ни места... Я готов мириться со всеми этими потерями, с этой головной болью, с нотацией начальства... но одно меня тревожит: как я с женой встречусь? Что я скажу ей? Пять ночей дома не ночевал, всё пропил и отставку получил... Что я могу сказать ей?

Ничего, побранится и перестанет!..

Я должен показаться ей теперь отвратительным, жалким... Она не выносит пьяных людей, и, по ее мнению, всякий кутящий подл... И она права... Разве не подло пропивать кусок хлеба, прокучивать место, как я это сделал?

Путохин выпил рюмку, закусил соленой белужиной и задумался.

Завтра, значит, придется шагать в ссудную кассу... сказал он после некоторого молчания. Места скоро не найдешь, стало быть, голодуха препожалует к нам во всем своем величии... А женщины, братец ты мой, всё могут простить тебе и пьяную рожу, и измену, и побои, и старость, но не простят они тебе бедности. В их глазах бедность хуже всякого порока. Раз моя Маша привыкла ежедневно обедать, то хоть украдь, а подавай ей обед. Без обеда, скажет, нельзя; не так мне есть хочется, как от прислуги совестно. Да, брат... Я этих баб прекрасно изучил...